

ПРИТЯЖЕНИЕ

A dramatic movie poster for the Russian film 'Prityazhenie' (Attraction). The scene is set on a wet, cobblestone rooftop in a city, likely St. Petersburg, given the architecture and the spire visible in the background. A firefighter in a dark blue uniform with 'MCHS' and 'АЛЕКСАНДР' patches is kneeling, his face marked with a bloody wound. He is holding the hands of a young girl in a black hooded jacket, who is suspended in mid-air as if being pulled towards him. A bright, golden light emanates from their clasped hands. In the background, a large building with many windows and a red car parked on the street are visible. Several birds are flying in the overcast sky. The overall mood is one of intense action and emotional connection.

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Притяжение

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Притяжение / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Костя — спасатель МЧС, у которого три года назад на крыше дома между его пальцами и запястьем падающего сына осталось ровно полшага пустоты. С тех пор его руки ловят чужих, потому что не успели поймать своего. В городе поднимается серая башня «Грааль» — экспериментальная установка управляемой гравитации, главный технологический прорыв десятилетия. Башню воспевают в новостях. Башня тихо гудит. Обычным утром на площади Костя видит, как средняя струя фонтана на долю секунды изгибается коленом к башне. Низ — основа основ — начинает медленно отклоняться от вертикали. Повесть о двух языках жестов, об отце глухой девочки и о том, что становится гравитацией друг для друга.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Хват	5
Часть 2. Низ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эдуард Сероусов

Притяжение

Часть 1. Хват

Кружка падала со стола, и Костя поймал её, не глядя.

Раньше, чем подумал. Раньше, чем повернул голову. Пальцы сложились в воздухе сами и приняли тёплую тяжесть; кофе плеснул через край, обжёг кисть. А он уже смотрел в другую сторону — на провод, который вытягивал из распахнутого щитка, — и руку с кружкой держал отдельно от себя, как чужую.

— Во даёт, — сказал хозяин квартиры. Мужик в майке, с лицом человека, у которого с утра всё валится из рук в самом прямом смысле. — Реакция, а? Спортсмен бывший?

Костя поставил кружку на стол. Кофе он не пил. Ловить тоже больше не любил — просто руки не спрашивали разрешения.

— Спасатель, — сказал он. — МЧС.

— А-а. — Мужик кивнул, будто это всё объясняло. Будто реакция выдаётся вместе с формой, в одном комплекте с карабинами и страховочной системой.

Газом не пахло. Пахло пригоревшей кашей — её и засекли соседи, добрые люди, набрали ноль-один, и вот два человека в полной выкладке стояли посреди чужой кухни и слушали, как тикает остывающая плита. Гриша уже сматывал газоанализатор, насвистывая что-то сквозь зубы. Свист у него был всегда один и тот же, привязчивый, без начала и конца, — Костя давно перестал его слышать, как перестают слышать собственное сердце.

— Чисто, — сказал Гриша. — Можно жить.

Они спустились. Лестница, двор, машина у бордюра с тихо работающим двигателем. Обычное утро. Город уже встал на ноги и шёл по своим делам: троллейбусы, кофейные стаканы, женщина с двумя пакетами, велокурьер. Над всем этим, за рекой, поднималась башня.

Башню Костя старался не разглядывать, как не разглядывают то, что слишком большое, чтобы поместиться в один взгляд. Серый ствол, уходящий в небо, опоясанный кольцами — не то антенн, не то ребёр. «Грааль». Так её называли в новостях, с придыханием: управляемая гравитация, конец энергетического тупика, новая космонавтика, прорыв десятилетия. На неё показывали пальцем экскурсоводы. Под ней фотографировались.

Башня гудела.

Звук был на самой границе — ниже того, что ухо считает звуком. Его не слышали, его чувствовали зубами, грудиной, мелкими костями запястий. Костя ловил его иногда по ночам, когда не спал, и думал, что это в нём что-то гудит, а не снаружи. Сейчас, на дворе, при солнце, гул был ровный, как у трансформаторной будки. Привычный. Город под ним жил и не вздрагивал.

— Костян. — Гриша захлопнул заднюю дверь, обошёл машину, навалился локтями на крышу. — Ты вообще меня слышишь, когда я с тобой говорю? Или так, для красоты сижу рядом?

— Слышу.

— Тогда ответь. Суббота. Лёшка играет, финал у них, городской. — Гриша смотрел через крышу прямо, не отпуская. — Он спрашивал, придёшь ли. Конкретно тебя спрашивал, не меня.

Лёшке Гриши было десять. Костя знал его таким, каким знают детей напарников, — по фотографиям в телефоне, по дням рождения, мимо которых проходишь с подарком и быстро уходишь. Хоккей. Финал. Мальчишка спрашивал, придёт ли.

— Посмотрю по графику, — сказал Костя.

— По графику, — повторил Гриша. Без злости. Хуже, чем со злостью. — Ты мне это в марте сказал. И в феврале. У тебя график как стена. — Он сел в машину, хлопнул дверью, и через стекло, уже мягче: — Он хороший пацан. Ему бы взрослого мужика на трибуне, который не я. Понимаешь?

Костя понимал. В этом и была беда — он всё понимал, просто между пониманием и тем, чтобы сделать, у него три года как порвалась какая-то жила. Он кивнул, чтобы Гриша отстал, и завёл уже заведённую машину — просто чтобы руки были заняты.

Они высадились на площади у реки — застряли в пробке, дальше пешком было быстрее. Гриша ушёл за водой к ларьку, бросив через плечо «две минуты», и Костя остался один в толпе, в которой никто никуда не торопился и все при этом куда-то спешили.

Площадь жила своей утренней жизнью. Фонтан бил в центре — три струи, расходящиеся веером, и брызги висели в воздухе чуть дольше, чем брызги обычно висят. Костя отметил это краем сознания и не отметил. Голуби сидели по бортику чаши, толстые, наглые. Эскалатор из подземного перехода выносил людей наверх ровным потоком.

Она вышла из этого потока.

Девчонка лет пятнадцати, в чёрной куртке с капюшоном, с рюкзаком на одном плече. Шла быстро, сосредоточенно, наклонив голову, — резала площадь по диагонали, к мосту, за которым была башня. На ходу что-то набирала в телефоне, и пальцы у неё двигались резко, точно, будто она не печатала, а спорила.

Костя не понял бы, почему смотрит на неё, если бы кто спросил. Просто взгляд зацепился. Что-то было в том, как она шла, — слишком прямо для толпы, не подстраиваясь, будто звуки людей её не касались, будто их и не было.

Рюкзак висел на одном плече и съезжал. Она поправила его движением плеча, не глядя, и в этот момент из бокового кармана выскользнул телефон — не тот, в котором она печатала, второй, или наушники, что-то небольшое и тёмное — и полетел вниз, к мокрому от брызг камню.

Костя поймал.

Три шага, наклон, рука — он не считал их, тело посчитало само, и вот уже тёмный прямоугольник лежал у него в ладони в сантиметре над брусчаткой. Плеер. Старый, с поцарапанным экраном, с проводом наушников, обёрнутым вокруг.

Он выпрямился. Девчонка уже развернулась к нему — лицом, не телом, как разворачиваются, когда не услышали, а почувствовали движение рядом. Близко. Глаза тёмные, злые с поправкой на возраст, готовые к тому, что взрослый сейчас скажет что-нибудь взрослое и снисходительное.

Костя протянул плеер.

Она взяла. Кивнула — коротко, без слова. И в этот момент за их спинами, на проезжей части, завывала сирена — скорая, проталкиваясь сквозь поток, длинный, надсадный звук, от которого вся площадь повернула головы.

Вся площадь, кроме неё.

Девчонка не вздрогнула. Не повернулась. Сирена росла, перекрывала фонтан, голубей, шум города, — а она спокойно убирала плеер обратно в карман, провод за проводом, и смотрела при этом Косте в губы. В губы, не в глаза. Так смотрят, когда читают.

И Костя понял.

Понимание прошло сквозь него тихо, без удивления, как проходит то, что узнаёшь в самом себе. Она не слышала сирену. Она не слышала ничего — ни фонтана, ни голубей, ни гула

башни, который для неё, наверное, никогда и не существовал. Плеер с проводом наушников был не музыкой. Был чем угодно другим — привычкой, памятью, тяжестью в кармане.

Что-то её отпустило в нём — мелкое, без названия. Он не помнил, когда последний раз стоял вот так, в упор, и его не торопились ни понять, ни пожалеть.

Она смотрела на него ещё секунду. Потом подняла руку — не для жеста, просто отвела прядь от лица — и развернулась обратно к мосту, к башне. Пошла. Спешила. Костя видел, к чему она спешит: у самого входа в башню, за оцеплением, под серым гудящим стволом, стояла женщина.

Женщина говорила по телефону. Точнее, не говорила — рубила. Свободная рука её жила отдельно от разговора, чертила в воздухе короткие резкие фигуры, будто доказывала что-то не тому, кто на том конце, а самому воздуху. Светлые волосы, собранные кое-как. Бейдж на шнурке. И когда девчонка с рюкзаком приблизилась, женщина на миг оторвалась от телефона, нашла её глазами в толпе — и рука, та, что чертила в воздухе, сложилась во что-то другое. Короткий знак. Кулак к груди, ладонь сверху. Не помахала. Сказала рукой.

Девчонка ответила не сразу. Стояла за оцеплением, смотрела. Потом дёрнула плечом — так дёргают плечом подростки, у которых к матери длинный неоплаченный счёт, — и не повторила знак.

— Держи. — Рядом возник Гриша, сунул бутылку. Проследил за взглядом Кости. — Чего там?

— Ничего, — сказал Костя.

Он отвернулся от башни. Но знак — кулак к груди, ладонь сверху — почему-то остался стоять перед глазами, как остаётся слово на чужом языке, которого не понял, но запомнил.

Дальше всё было обычно, и в этом обычном что-то едва заметно врало.

Они дошли до машины. Костя поймал себя на том, что смотрит на фонтан, — и не сразу понял, на что именно смотрит. Струи. Три струи били вверх и расходились веером, как полается. И на долю секунды — он мог бы поклясться, что это длилось меньше мгновения, — средняя струя изогнулась. Не от ветра. Ветер гнёт струю вбок плавно, отклоняет всю целиком. Эта изогнулась посередине, коленом, выгнулась в сторону башни и тут же выпрямилась, будто ничего и не было. Вода вспомнила, куда ей падать.

— Видал? — сказал Костя.

— Чего?

— Фонтан.

Гриша посмотрел. Фонтан бил ровно.

— Красивый фонтан, — сказал Гриша. — Поехали, опаздываем уже неизвестно куда.

Костя сел за руль. Но не тронулся. Голуби сорвались с бортика — все разом, толстая наглая стая, — и пошли вверх. Обычно голуби, взлетая, идут вперёд и вверх, наискось, тяжело загребая. Эти пошли строго вверх, столбом, будто их подбросило снизу, и только потом, выровнявшись, разлетелись кто куда, недовольно хлопая.

А за фонтаном, у стройки, где висел на тросе бетонный блок, отвес — простой строительный отвес, грузик на нитке, которым ровняют стену, — стоял косо. Чуть-чуть. Нитка уходила от вертикали градуса на три, в ту же сторону, что изогнулась струя. К башне.

Отвес всегда показывает вниз. Это и есть низ — то, куда тянет грузик. Других определений у низа нет.

— Ветер, — сказал Костя вслух, сам себе.

Ветра не было. Флаг над администрацией висел тряпкой.

Он сказал «ветер» ещё раз, про себя, и поехал. Так удобнее было. Так всё оставалось обычным утром, в котором голуби взлетают столбом, струя гнётся коленом, а грузик на нитке тихо тянется к башне, — и всему этому есть простое имя, и имя это — ветер.

Отрицание всегда начинается с малого. С человека, который видел и решил, что не видел.

В части было пусто и гулко. Смена тянулась к обеду, тот ленивый час, когда уже ничего не должно случиться, а если случится, то это будет несправедливо.

Гриша грел в микроволновке вчерашнее. Диспетчер, Маринка, скучала за пультом, листала телефон. По радио — обычный фон, потрескивание, чужие позывные, далёкая жизнь других экипажей.

— Костя. — Гриша поставил перед ним тарелку, которую Костя не просил. — Ешь. На тебя смотреть страшно.

Костя посмотрел на тарелку. Есть не хотелось. Хотелось понять, куда делось ощущение, что мир стоит на месте.

— Слушай, — сказал Гриша, садясь напротив. Он перестал свистеть, и от этого Костя поднял глаза: Гриша свистел всегда, тишина Гриши была событием. — Я тебе про Лёшку не просто так. Ты три года ходишь как... — Он искал слово, не нашёл, махнул рукой. — Как человек, который ждёт автобус, который уже ушёл. Понимаешь? Стоишь на остановке. Автобуса нет. А ты стоишь.

— Гриш.

— Нет, ты послушай. Тёмы нет. — Гриша сказал это имя прямо, в лоб, как никто не говорил, и Костю обдало холодом, будто открыли окно. — Тёмы нет уже три года. А ты есть. И Лёшка есть, и он, дурак, тебя зачем-то выбрал. И суббота есть. Сходи. Просто сходи и постой на трибуне. Это не предательство — жить.

Костя открыл рот. Что-то такое было готово выйти — может, «да», может, «не лезь», он сам не знал.

И в этот момент гул изменился.

Не громче. Не тише. Он сменил тон — будто огромный инструмент, который тянул одну ноту годами, вдруг тронул соседнюю струну. Костя почувствовал это раньше, чем осознал, — по коже, по корням зубов, по тому, как дрогнула в стакане вода. Маринка подняла голову от телефона. Гриша осёкся на полуслове.

— Это что? — спросила Маринка.

Свет на секунду стал странным. Не мигнул — стал гуще, желтее, будто воздух между лампой и столом набрал плотности. Тарелка на столе тихо проехала пару сантиметров и остановилась. Сама. По ровному столу.

По радио сквозь треск прорвался чей-то голос — далёкий, чужой, без позывного, на одной ноте с гулом:

— ...отклонение по основному контуру... держим параметры... всем оставаться...

И оборвался.

Где-то наверху, за рекой, в сером гудящем стволе, что-то очень большое только что начало происходить. Костя ещё не знал, что именно. Знал одно, кожей, костями запястий, той порвавшейся три года назад жилой, которая вдруг натянулась: руки лучше держать наготове.

Часть 2. Низ

Они выехали без вызова.

Вызова не было — был гул, сменивший ноту, был оборванный голос в радио, была тарелка, проехавшая по ровному столу. Этого хватило. Маринка ещё кричала им вслед что-то про «ждите подтверждения», когда машина уже шла к реке, и Гриша молчал, вцепившись в поручень, и не свистел.

Город по дороге был обычным — и в этой обычности Костя теперь читал то, чего не читал утром. Слишком ровно взлетали птицы. Слишком долго висел на светофоре сорвавшийся с дерева лист. У витрины качнулась и не вернулась к стене прислонённая лестница — поехала верхним концом не вниз, а вбок, к реке, и упала медленно, как в воде.

— Костян. — Голос у Гриши сел. — Ты это видишь?

— Вижу.

Они выскочили на ту самую площадь у реки. Фонтан ещё бил. Люди ещё шли. До башни отсюда было метров пятьсот по прямой, через мост, — и над мостом, над серым стволом, воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом, только это был не жар. Это было что-то, чему Костя не знал имени и не хотел знать.

Он успел открыть дверь машины. Успел поставить одну ногу на брусчатку.

И тогда по площади прошёл первый импульс.

Сначала исчез звук.

Не оглушило — наоборот. Как будто кто-то взял и выключил нижний регистр мира: гул машин, шорох толпы, плеск фонтана. Осталась тонкая звенящая тишина, в которой Костя слышал собственную кровь.

А потом площадь поднялась.

Он видел это и не мог поверить тому, что видит. Голуби с бортика — уже привычно столбом, вверх. Брызги фонтана — не упали, поползли в небо медленными светящимися гроздьями, разворачиваясь, как фейерверк в обратную сторону. Женщина с двумя пакетами — пакеты всплыли первыми, потянули руки вверх, потом оторвались от земли её каблуки, и она поднималась, нелепо перебирая ногами в воздухе, с открытым в беззвучном крике ртом. Велo-курьер вместе с велосипедом. Скамейка. Урна, рассыпая по небу мусор аккуратным расширяющимся облаком. Коляска — детская коляска у края площади, которую молодая мать только что отпустила одной рукой, чтобы поправить шарф, — поднималась тоже, медленно, бережно, вместе с ребёнком внутри.

Всё это всплывало в полной тишине, без единого звука, в косом утреннем свете — и было бы красиво, нестерпимо красиво, если бы не было концом света.

Костя стоял одной ногой на земле, одной в машине, и его не подняло — порог импульса прошёл в трёх метрах, по той стороне площади, и его край лизнул только волосы, поднял их дыбом и отпустил. Он смотрел, как в небе, на высоте третьего этажа, висит город. Висит и медленно поворачивается.

А потом импульс кончился.

И всё вернулось.

Возврат был не такой, как подъём. Подъём был медленным и бережным. Возврат — мгновенным. Тишина лопнула, и звук обрушился весь сразу, чудовищный, — звук падения целой площади. Люди, скамейки, фонтанная вода, голуби, урна, велосипед — всё, что секунду назад парило, рухнуло вниз с той высоты, на которую успело подняться, и брусчатка приняла это с

тупым множественным грохотом, в котором Костя различал и не хотел различать отдельные звуки.

Закон, понял он позже, гораздо позже, когда был способен думать. Закон, который не отменить: что поднялось — упадёт. Сколько забрали — столько и вернут. Баланс сходится всегда. Просто сходится не там и не так.

Сейчас он не думал. Сейчас он уже бежал.

Коляска.

Он выхватил её взглядом ещё в воздухе и теперь, на бегу, считал — не словами, телом: высота, угол, точка падения. Коляска поднялась невысоко, метра на два, у самого края, где импульс был слабее. Она падала не отвесно — заваливалась набок, к бортику фонтана, к камню. Молодая мать висела на её ручке, та женщина, что отпустила её на секунду; импульс поднял и опустил их по-разному, разорвал, и теперь мать падала в одну сторону, коляска в другую.

Три метра. Костя считал на бегу. Перехлест руки не достанет, если по прямой. Значит, не по прямой.

Он не добежал бы. Он это знал тем знанием, которым знал три года назад, на той крыше, что не успеет, что между ним и падающим всегда оказывается на полшага больше, чем у него есть. Но коляска заваливалась медленнее тела — что-то в импульсе ещё держало её, тянуло за угол, — и эти полсекунды Костя купил.

Он не поймал её. Поймать — значит остановить, а остановить полста килограммов, летящих на камень, он не мог. Он ударил. Плечом, всем телом, в борт коляски, сбоку, — сбил её с линии падения на камень, отшвырнул в сторону, на газон, на мягкое. Коляска перевернулась на траве. Ребёнок — Костя слышал его через секунду, самый прекрасный звук на свете, — заорал. Живой. Орущий благим матом, целый, живой.

Костя лежал рядом, на газоне, выбитый ударом, и в эту секунду, на излёте движения, краем зрения поймал второе.

Старик.

Пожилой человек в плаще, у того же бортика, упал плохо — на спину, на камень, и теперь сползал. Сползал не вниз. Импульс кончился, низ вернулся, но не везде сразу — у самой башни что-то ещё тянуло вбок, и старика волокло по мокрому камню к воде, к чаше фонтана, медленно, неотвратно, и он цеплялся руками за гладкий гранит, и руки соскальзывали.

Костя был в двух метрах. Он рванулся с газона, на коленях, протянул руку — всю, до отказа, до боли в плече, до того предела, за которым уже ничего нет, кроме растопыренных пальцев в воздухе.

И между его пальцами и рукой старика осталось расстояние.

Маленькое. В ладонь. В те самые полшага, которых всегда не хватает. Старик посмотрел на него — без ужаса даже, с каким-то удивлением, — и его рука соскользнула с гранита окончательно, и его утянуло за бортик, в воду, под опрокинувшуюся струю, и Костя остался стоять на коленях с пустой протянутой рукой.

Пустота в ладони была знакомой.

Он знал её на ощупь. Три года он носил её в этой самой руке — память о том, как пальцы смыкаются на пустом воздухе там, где должно было быть запястье сына. Тёма падал с крыши долго, бесконечно долго, и Костя тянулся к нему всем собой, и между его рукой и Тёмой было ровно столько же — ладонь, полшага, ничего. Профессиональный ловец людей, который ловит чужих за деньги и не поймал своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.